

УДК 882 (075)

Л.Н.ТОЛСТОЙ И Л.Н.АНДРЕЕВ: ДИАЛОГ О СМЕРТИ

© А.Н.Тушев

Статья посвящена творческому диалогу двух писателей-современников – Льва Толстого и Леонида Андреева, в ранних произведениях последнего преломляются толстовские воззрения на человека и особенно – восприятие смерти. В статье впервые, при всем устоявшемся в культурном сознании представлении о личностной и творческой несовместимости этих писателей, подробно рассматривается внимание Толстого к Андрееву как к одному из наиболее читаемых писателей эпохи.

Ключевые слова: Лев Толстой, Леонид Андреев, диалог, тема смерти.

В современном толковании одной из наиболее актуальных и наименее разработанных тем является системно целостное освещение позднего периода творчества писателя в контексте историко-литературного процесса рубежа XIX-XX вв., что предполагает всестороннее изучение как значения личности и творчества Л.Н.Толстого для нового поколения русских писателей, так и восприятия Толстым феномена современной литературы. Особый интерес в этом плане представляет влияние Толстого на Леонида Андреева, в ранних произведениях которого явно преломляются толстовские воззрения на человека, а также внимание самого Толстого к одному из наиболее читаемых писателей эпохи, при том что в культурном сознании утвердилось представление об их личностной и творческой несовместимости.

Еще Д.П.Святополк-Мирский в «Истории русской литературы с древнейших времен по 1925 год» отметил значимость для Андреева творчества Толстого: «Отрицание культуры и острое сознание стихийных основ жизни – смерти и пола – в этом суть толстовства, которая вновь проявляется в философии Андреева и Арцыбашева. Литературное влияние Толстого на этих двух писателей невозможно переоценить. <...> Андреев полностью и в то же время творчески усваивает манеру Толстого» [1: 611, 615]. Настоятельную потребность в углублении данной темы выразил один из первых исследователей творчества Л.Андреева В.Беззубов: «В проблематике творчества Л.Андреева нужно искать объяснение „особенного интереса“ Толстого к молодому писателю» [2: 135]. В своей монографии «Леонид Андреев и традиции русского реализма» В.Беззубов подчеркнул идейно-художественную преемственность творчества Андреева и толстовского наследия: «Рассматривая отношение Толстого и Андреева к различным вопросам <...> мы видим иногда идейную близость, чаще соприкосновение в каких-то отдельных точках,

нередко – прямой спор Андреева с Толстым, но всегда – общую направленность интересов» [3: 16].

К сожалению, следует отметить, что природа взаимного внимания Толстого и Андреева друг к другу во многом остается продекларированной, но так и не вполне освоенной современным литературоведением.

Первая попытка вступить в диалог с Толстым была предпринята Андреевым в 1901 году. Андреев был начинающим писателем, только вступившим на литературное поприще, но уже успевшим завоевать читательское признание. Присланная им книга (с дарственной надписью «Глубокоуважаемому Льву Николаевичу Толстому») была его первым сборником рассказов; до этого были лишь газетные и журнальные публикации. Сборник «Рассказы» был выпущен в свет петербургским издательством «Знание» в сентябре 1901 года. Деньги на издание выделил руководивший «Знанием» М.Горький, выступивший также редактором сборника. В книгу, вышедшую с посвящением Алексею Максимовичу Пешкову, вошли рассказы «Большой шлем», «Ангелочек», «Молчание», «Валя», «Рассказ о Сергее Петровиче», «На реке», «Ложь», «У окна», «Жили-были» и «В темную даль», первоначально печатавшиеся в московской газете «Курьер», в петербургском «Журнале для всех», «Жизни» в 1899-1900 гг. В этих изданиях Толстой, по всей видимости, и прочитал впервые сочинения молодого литератора. О том, что Толстой уже был знаком с его творчеством, можно судить по ответному письму писателя, посланному из Гаспры 30 декабря 1901 г.: «Благодарю вас, Леонид Николаевич, за присылку вашей книги. Я уже прежде присылки прочел почти все рассказы, из которых многие очень понравились мне. Больше всех мне понравился рассказ „Жили-были“, но конец, плач обоих, мне кажется неестественным и ненужным.

Надеюсь когда-нибудь увидаться с вами и тогда, если вам это интересно, скажу более подробно о достоинствах ваших писаний и их недостатках. В письме это слишком трудно» [4, Т. 73: 174].

И в связи с этим закономерно возникает вопрос: что же могло привлечь маститого Толстого в творчестве раннего Андреева, побудить прочесть рассказы молодого писателя (а в 1909 году, ожидая визита Андреева, он их перечитает) и положительно отзываться о них? Толстой не оставил нам прямых свидетельств, которые помогли бы нам с полной уверенностью ответить на этот вопрос, поэтому наиболее целесообразно, думается, будет попытаться выделить некоторые точки пересечения в произведениях обоих писателей и уже на этой основе постараться понять, что способствовало их, пусть короткому, но все-таки сближению.

Из представленных в сборнике произведений наибольший интерес для нас представляют рассказы «Молчание», «На реке» и «Жили-были», не только по причине того что они были выделены самим Толстым, но и как наиболее близкие толстовскому мировоззрению. Если попытаться выделить в этих рассказах нечто общее, то объединяющей их темой будет являться разорванность человеческих связей и отсутствие взаимопонимания между людьми.

Рассказ «Жили-были», который выделил Толстой, действительно несет на себе явные следы влияния толстовского творчества, особенно повести «Смерть Ивана Ильича». В центре внимания обоих писателей находятся кризисные, переходные, предельные состояния, как физические, так и моральные, человеческого бытия. Значимость для Толстого этих состояний отмечалась еще С.Г.Бочаровым: «То, что было всегда безусловно, ощущается относительным и незначимым, зато настоящее безусловное отпадает от разных мнимостей. *Настоящее* открывается через разлад, через кризис. <...> В испытаниях и драматических кризисах вдруг проясняются, отделяясь от запутанной сложности поглощающих человека обычно мнимоважных мотивов, простые настоящие ценности – молодость, здоровье, любовь, наслаждение от искусства, близость людей и радость общения» [5: 9-10, 17-18].

И толстовский Иван Ильич Головин, и Лаврентий Петрович Кошеверов, оказавшись на пороге смерти, оглядывают мысленным взором всю свою прошедшую жизнь и находят ее растроченной впустую. В одиночестве купец Кошеверов, удачливый и властный, подводит итоги своей жизни: «Память его быстро, в одной молниезарной картине, воспроизвела всю его жизнь за по-

следние годы: неумолимую болезнь, день за днем пожиравшую силы; одиночество среди массы алчных родственников <...> внезапно потушила эту картину, оставив на душе одну тупую, замирающую боль» [6: 277]. Андреев оставляет купца Лаврентия Петровича наедине с неутраченной болью и мучительным чувством бессмысленности прожитой жизни. То же переживает и толстовский герой, после того как в момент, знаменующий точку его наивысшего жизненного успеха, объясняя обойщику, как следует драпировать его новое жилище, упал со стремянки, что впоследствии приведет его к тяжелой болезни: «И он стал перебирать в воображении лучшие минуты своей приятной жизни. Но – странное дело – все эти лучшие минуты приятной жизни казались теперь совсем не тем, чем казались они тогда. <...> Как только начиналось то, чего результатом был теперешний он, Иван Ильич, так все казавшиеся тогда радости теперь на глазах его таяли и превращались во что-то ничтожное и часто гадкое. <...> Так что ж это? Зачем? Не может быть. Не может быть, чтоб так бессмысленна, гадка была жизнь? А если точно она так гадка и бессмысленна была, так зачем же умирать и умирать страдая? Что-нибудь не так» [4, Т. 26: 106-107].

И у Толстого, и у Андреева герои, находясь на пороге смерти, заново переоценивают свою прошлую жизнь и находят ее напрасной и растроченной впустую. Но если у Андреева купец остается с недоверием к тому, что «кто-нибудь может любить жизнь», то Толстой завершает картину физических и моральных страданий своего Ивана Ильича принятием своего положения и осознанием того, что смерти больше нет: «А смерть? Где она?» [4, Т. 26: 113].

Поначалу, разочарованный в семейной жизни, поскольку она не соответствовала его тщательному выстроенным планам, Иван Ильич с головой ушел в служебные дела: «<...> посредством службы и вытекающих из нее обязанностей стал бороться с женой, выгораживая свой независимый мир» [4, Т. 26: 74]. Во время болезни, не понимая равнодушия окружения к своей судьбе, он так же будет пытаться отделиться от них, но уже по причине своей беспомощности. Он будет тщетно искать спасения от мыслей о неизбежности смерти, от осознания конца собственного существования: «И, спасаясь от этого состояния, Иван Ильич искал утешения, других ширм, и другие ширмы являлись и на короткое время как будто спасали его, но тотчас же опять не столько разрушались, сколько просвечивали, как будто она проникала через все, и ничто не могло заслонить ее» [4, 26: 94]. Подобно ему, ку-

пец Кошеверов пытается отгородиться от мира живых, напоминающих ему о тщетности прожитой жизни и от мыслей о неминуемой смерти, так что даже просит медсестру: «А можно сделать так, чтобы совсем ко мне не пускали?» [6: 280].

Иван Ильич прошел тот путь, который по толстовской логике должен был пройти, но не проходит Лаврентий Петрович Кошеверов. Рядом с купцом оказывается носитель того понимания жизни, которого не суждено было достичь купцу Кошеверову – дьякон Филипп Сперанский, говорящая фамилия которого явно указывает на надежду (от лат. *spero* – «надеяться, уповать»). Дьякон преисполнен доверия к миру и окружающим его людям, частью которых он себя ощущает, что выражается в его нескрываемом расположении ко всем: «За милую душу! Вот как перед богом, за милую душу. <...> Вот, отец, штука-то. Аз и ферт» [6: 281-282].

Такое построение сюжета характерно для многих поздних произведений Толстого, когда рядом с заблуждающимся героем оказывается носитель жизненной истины: буфетчик Максим («Смерть Ивана Ильича»), Никита («Хозяин и работник»), Пашенька («Отец Сергей»). Дьякон Филипп строит планы на будущее, приглашая к себе гостей, хотя по всему было видно, что он безнадежен: «К Троице я вот схожу. И за твое имя просфору выну. Потом соборы осмотрю. В баню пойду» [6: 290]. Однако купец, за которого готов был молиться дьякон, резко бросает ему: «На Ваганьково кладбище пойдешь – вот куда!» [6: 290].

По наблюдению Д.П.Маковицкого, 6 октября 1909 года Толстой перечитывал рассказы Андреева и особо выделил именно этого героя: «В рассказе „Жили-были“ с одобрением выразился о дьяконе, но сказал, что конца рассказа нет и, кажется, сказал, что нет содержания, а одни картины» [7, т. 4: 67]. Толстому показался неестественным финал рассказа – «конец, плач обоих». Этому можно найти свое объяснение. Андреев разрешает конфликт купца и дьякона, носителей противоположных взглядов, рыданием и примирением перед лицом неизбежного конца. Он так и не выводит Кошеверова на новый уровень понимания, и ему не открывается истина о человеке, жизни и смерти. Финал не соответствует возможным для Толстого ожиданиям, его художественной логике, завершившего свою повесть совсем иначе – прозрением героя. Андреев как бы выходит на *толстовскую* дорогу, но не идет по ней до конца и сворачивает с нее.

Перечитывая рассказы в 1909 году, Толстой сохранил расположение к писателю, чьи произ-

ведения к тому времени уже довольно существенно отличались от того, как он писал ранее. Об этом свидетельствует запись Д.П.Маковицкого от 7 октября 1909 года: «Л.Н. говорил про Андреева, что это большой талант, но в его рассказах надо отчеркнуть, где начинается фальшивая чепуха (и эту часть выпустить). В „На реке“ – там, где начинается ненужная сцена на крыше дома. Кажется, в „Молчании“ – до кладбища, где начинается сцена на кладбище. <...> В художественных вещах надо, чтобы было естественно, правдиво. Когда вы читаете, то вы сами должны это переживать, тогда это естественно: ни одной фальшивой ноты, а вместе с тем, чтобы было чувство, которое бы вас постоянно волновало. Когда эти две вещи соединены, тогда естественно» [7, т. 4: 68].

И Толстого, и Андреева занимает вопрос о состоянии человека, находящегося на пороге жизни и смерти. В своем изображении и физической, и моральной стороны этих состояний Толстой идет гораздо дальше. Оба писателя сосредоточили свое внимание на телесных страданиях, но у Толстого они всегда неотделимы от моральных. Толстого пограничные состояния интересовали потому, что за ними писатель видел перспективу преобразования человека.

В 1893 году вышел рассказ Толстого «Хозяин и работник», с подробным воспроизведением психологии человека, находящегося на пороге жизни и смерти. Едва ли Толстого, столь чуткого и внимательного к описанию чувств и переживаний, а также к перерождению человека, к его выходу на новый уровень, мог устроить финал рассказа Андреева «Жили-были», «снявшего» конфликт мелодраматической сценой. Толстой завершает жизненный путь своего героя, купца второй гильдии Василия Андреевича Брехунова, совсем иначе: «И он вспоминает, что Никита лежит под ним и что он угрелся и жив, и ему кажется, что он – Никита, а Никита – он, и что жизнь его не в нем самом, а в Никите. Он напрягает слух и слышит дыханье, даже слабый храп Никиты. „Жив Никита, значит жив и я“, – с торжеством говорит он себе» [Т. 29: 44].

Как мы показали, что, при всей человеческой симпатии Толстого к Андрееву, подтвержденной их встречей в 1910 году, диалог писателей, о котором на протяжении почти десяти лет грезил Андреев, так и не состоялся. Андреев как художник, осознающий себя во многом «*учеником*» Толстого, не получил признания своего «*учителя*» отчасти и потому, что их воззрения на человека и его предназначение существенно различались, что было обусловлено духом времени.

*****

1. *Мирский Д.С.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. – 882 с.
2. *Беззубов В.И.* Лев Толстой и Леонид Андреев // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Т. 104. Труды по русской и славянской филологии. Вып. IV. – Тарту, 1961. – С. 130 – 172.
3. *Беззубов В.* Леонид Андреев и традиции русского реализма. – Таллинн: Ээсти Раамат. – 1983. – 336 с.
4. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. (юб. изд.): В 90 т. – М.; Л: ГИХЛ, 1928-1958. (Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы).
5. *Бочаров С.Г.* Роман Л.Толстого «Война и мир» изд. 4-е. – М.: Худож. лит., 1987. – 156 с.
6. *Андреев Л.Н.* Собр. соч.: В 6 т. – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1990. – 647 с.
7. *Маковицкий Д.П.* У Толстого. 1904-1910. Яснополяские записки // Литературное наследство. – Т. 90. Кн. 1 – 4. – М.: Наука, 1979.

L.N.TOLSTOY AND L.N.ANDREEV: A DIALOGUE ABOUT DEATH

A.N.Tushev

The article is devoted to a creative dialogue between two contemporary writers: Leo Tolstoy and Leonid Andreyev. The latter's early works clearly reflect Tolstoy's views of man and especially his perception of death. In spite of well-known personal and creative differences between these authors, the paper, for the first time, discusses Tolstoy's interest in Andreev as one of the most widely read writers of his time.

Key words: Leo Tolstoy, Leonid Andreev, dialogue, theme of death.

*****

1. *Mirskij D.S.* Istoriya russkoj literatury s drevnejshij vremen po 1925 god. – London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. – 882 s. (in Russian)
2. *Bezzubov V.I.* Lev Tolstoj i Leonid Andreev // Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. – T. 104. Trudy po russkoj i slavyanskoj filologii. Vyp. IV. – Tartu, 1961. – S. 130 – 172. (in Russian)
3. *Bezzubov V.* Leonid Andreev i tradicii russkogo realizma. – Tallinn: E'e'sti Raamat. – 1983. – 336 s. (in Russian)
4. *Tolstoj L.N.* Poln. sobr. soch. (yub. izd.): V 90 t. – M.; L: GIXL, 1928-1958. (References to volumes and pages of this edition are given in the text) (in Russian)
5. *Bocharov S.G.* Roman L.Tolstogo «Vojna i mir» izd. 4-e. – M.: Xudozh. lit., 1987. – 156 s. (in Russian)
6. *Andreev L.N.* Sobr. soch.: V 6 t. – T. 1. – M.: Xudozh. lit., 1990. – 647 s. (in Russian)
7. *Makovickij D.P.* U Tolstogo. 1904-1910. Yasnopolyanskije zapiski // Literaturnoe nasledstvo. – T. 90. Kn. 1 – 4. – M.: Nauka, 1979. (in Russian)

*****

Тушев Андрей Николаевич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и межкультурной коммуникации им.Льва Толстого Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул.Кремлевская, 18.
E-mail: andpsy@yandex.ru

Tushev Andrey Nikolaevich –graduate student, Department of Russian and World Literature, Institute of Philology and Intercultural Communication named after Leo Tolstoy, Kazan Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: andpsy@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.10.2015